

* * *

А снег ушёл.

Никто и не заметил.

Пропал. И будто не было его.

И, странно, —

ничего на белом свете

не изменилось. Ровно ничего.

Он таял тихо,

становясь похожим

на груды грязно-белых простыней,

и тем мешал,

что просто *был*... О Боже,

не уговань той участи и мне.

Избавь от беглых

и с досадой взглядов,

от дома, где поймаешь в конце пути,

что оставаться больше здесь не надо.

Но некуда и незачем идти...

Не дай-то Бог! Уж лучше бы в зените

чуть улыбнуться, всё прощая всем,

и молча, не оглядываясь выйти,

как могут только те,

кто насовсем...

* * *

— Нагадай мне, цыганка лукавая,
к королю путь-дороженьку дальнюю.

Вот награда тебе и рука моя.

Протяну ей ладонь... И печальные

мне ответят глаза о неспрошенном

(дрогнет сердце тревожной осиною):

«Не найдёшь там спасенья, хорошая —
от себя не уедешь, красивая».

ПОГОВОРИЛИ

— О чём пишу? Да вроде ни о чём.

— Ну вот, не сэкономишь древесину...

А ведь берёзку там или осину
вполне возможно и спасти. Причём,
освободив себя и мир от мук,
ты больше пользы принесёшь, мой друг.

— Чего хочю? Да вроде как и все.

— Ну вот, как все... А что оно такое?

Еда и бег — ни меры, ни покоя:

ты хомячок в безумном колесе.

И сколь бы ни велик казался круг,

он крепится на прутья, милый друг.

— Зачем живу? Зачем, простите... что?

— Ну вот и всё... Вопросов больше нет.

А за окошком в ожиданье лета

бушует май сиреневым кустом,

и в соловья влюблённая звезда

трепещет...

Ты беги, не опоздай...

* * *

А море шумело, шумело,
и берег, волнуясь, качало,

рыдало, молило, немело,

и чайкой охрипшей кричало:

— Опомнись! Ты — боль и усталость.
Любовь — это танго над бездной.
В тебе и души-то осталось
на вдох, на полёт. И на песню...

...Одну ...Вдруг, покорно стихая,
в глазах синеву расплескало —
с улыбкой строптивой стиха я
шагну за постылые скалы...

* * *

Ты, не глядя под ноги,
закусив удила,
мчишь, не видя дороги,
и не чуя седла.

И с судьбою не споря,
веселишь седока,
И беснуются шпоры
в запотевших боках.

Ах, как пахнут свободой
степь, ветра да ковыль!
Но врезаешься сходу
мордой в тёплую пыль...

Седоку дела мало —
не велик и урон.
Что же в зареве алом
так черно от ворон?

И в палате, как в склепе,
зажимаешь в горсти
горечь слёз и таблеток.
И надежду спастись...

* * *

Шёлкового запястья
тонок излом.
Дама холодной масти,
сердце — узлом.

Справа молва и слева
глухо пылит:
— Снежная королева!
Снежная-ли?

Белой перчатки снежность...
Только под ней
дышит живая нежность -
шёлка нежней...

* * *

А за окном — октябрьская слякоть,
кидает небо капли на стекло:
решила осень за меня поплакать,
ведь кто-то ж должен, если тяжело.

Вчера — звонок. И в семь за чашкой кофе —
в кафе. С дежурной розою, конечно...
Так мило... Вдруг зачем-то про «любофшь»,
что оказалась невозможно вечной.

— Любовь?! — здесь засмеяться бы. —
Не тронь её.
И встать бы, всё припомнить, а потом...
Но смотришь *сквозь* —
чужой и посторонней, —
застёгивая наглухо пальто.

* * *

С понедельника по пятницу
всё быстрее время-мельница:
чаще пьётся — реже плачется,
меньше просится и верится.

Но душе без переводчицы
(хоть с крестом, хоть с полумесяцем)
не понять, чего ж ей хочется:
то ли чаю, то ль повеситься...

Птицы — первые, несмелые —
тишину неловко трогают.
Чая нет... И мысли — белыми
мотыльками над дорогою...

Помолчу с таксистом заспанным.
Буду щедрой — за молчание.
— Ждать Вас?
— Нет, не обязательно.
Кама, милая, встречай меня!

И вода сольётся с небом, где
я воскресну — невесомая.

Белый город белым лебедем
спит у кромки утра сонного...

* * *

Жара-а... Расплавленный автобус
развозит липкие тела.
У раскалённого стекла
обречена и таю, чтобы
себя доставить... Но куда?
И что за мука — эти лица!
Уйти. Уехать! Застрелиться!!!
...И там воскреснуть, где вода
так нежно трогает колени,
где воздух — как из родника,
и в белом — смуглая рука...
И там девчонкой, от волнения
смеясь, кружиться на бегу,
влюбляться в лесенки крутые...
И в Вас... Неважно, что «на ты» я
пока решиться не могу.
Вдруг, не раздумывая, с Вами
в пустую улочку свернуть
и... в поцелуях утонуть,
едва разбавленных словами.
И под бессвязное «О Боже...»
сойти отчаянно с ума,
вдыхая пряный аромат
вобравшей море тёплой кожи.

* * *

Время, решу я, наверное, лечит,
и постучусь в дверь, обитую грустью...
Впустят ли?
Впрочем, конечно же, впустят.
Вспомнят ли?
Ну, а вот это едва ли.

Голос... проём и ... знакомые плечи...
Взгляд!.. Нет, не вспомнили.

Не забывали...

ПОЭТУ

Коли вышло, что
ты поэт — аминь! —
не тебе за стол
с виногретами,

не тебе поднос
с разносолами —
без того давно
в горле солоно.
Будь строка проста —
песня сложится...
Душу б выпростать,
а не можетя...
Истопить бы печь
да берёзою,
со слезою спеть
нетверёзою...
Степь широкая,
Русь великая —
с поволокою-
повиликою.
Не согнуть её,
не понять её,
в ней распутие,
что распятие:
погибать в бою,
жить ли сызнова —
то ли свадьбою,
то ли тризною...
В пир ли — вóронам,
в мир ли — соколом,
дать ли поровну,
встать ли около...
Маятою жить —
только маяться.
Ты своё скажи —
толку — каяться!
Да взметни с утра,
зная кару сам,
на семи ветрах —
душу парусом.

* * *

Разве, скажи, обидишь малую птаху?
Она, радуясь, тельцем дрожа,
трелью — зарю венчает!
А колокольчик в траве?
Как он, гляди, качает
нежной головкой, словно
шепчет тебе: «Привет...»
И под рубахой — тише! —
вот уже бьётся — слышишь? —
тихий ему ответ.

А по зиме, ты помнишь, с неба слетало чудо? Ангелов белый пух нас укрывал покоем...
Только смотри — невольню чудя не тронь рукою: миг — и уйдёт, растает светлое торжество...
И от тепла земного варежкой шерстяною мы берегли его.

СНЕЖНЫЕ СОВЫ

Этой ночью белые совы, опереньем — белее снега, рисовали кругами небо, облетая мой город сонный. Но наскучило им — дозором, и они свои крылья-шали, раскуражася, разметали, вспенив небо шальным узором. И, ворочая головами, удивлённые, вниз глядели, там их перья к земле летели расплетёнными кружевами: обречённо и невесомо тихо падали — ниже, ниже — укрывая газоны, крыши и скамью у немого дома. И ещё были чьи-то плечи, неподвижные и немые...

Во дворе посреди зимы чья-то боль становилась легче.

ДЕВОЧКА И ТРАМВАЙ

Неба дети, снежка набросав с облаков, убежали. Метлой снеговик недоволен — не в духе. Привереда! А впрочем, какое мне дело? Стынет ночь. Замаячил трамвай. Далеко... Там — тепло и светло, и не жгут пресловутые мухи нежной мякоти вашего белого тела.

Разомлев у окна, я останусь тут жить — ты, родимый, неси — не оттаять за две остановки: на шкале у меня, как всегда, минус двадцать...

Дремлет тётя с билетной сумой: виражи, толкотня... Не такси...
И воробушком — чудо в кроссовках тонким пальчиком «лю...» — на окне. Целоваться так волшебю впервые... Внезапно пойму, что от этой любви я летально завишу отныне: ну же, девочка, ну! На ладонку дыши! С каждой буквой тепло посылая — Ему, ты меня — оживи, растворяя игольчатый иней. И молю тебя — не выходи! Допиши...

ФЕВРАЛЬ

Уже у выхода зима, но заболела я. Упало небо на дома свинцово-белое.

А с ним, обманчиво легка, соседкой пьяною пришла — и дулом у виска — тоска диванная.

И бьётся птицею в грудной раба невольная. Оцепенев, гляжу в окно прямоугольное,

как теребят ветра тугие гнездо воронье...
Межрёберная февралгия, левосторонняя.

